

Путь в Дамаск. Фёдор Сологуб, Анастасия Николаевна Чеботаревская sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

Путь в Дамаск. Фёдор Сологуб, Анастасия Николаевна Чеботаревская

I

От буйного распутства неистовой жизни к тихому союзу любви и смерти, милый путь в Дамаск...

Вечером весеннего тихого дня, когда на весело шумных улицах гроыхали дрожки, когда свирепые оборванцы и увядшие женщины продавали наивные ландыши, Клавдия Андреевна Кружинина вышла от доктора, красная и дрожащая от стыда и отчаяния, совершенно подавленная тем, что ей, молодой девушке, пришлось услышать. Казалось ей, что все и дождающиеся в гостинной больные, и горничная в передней смотрят на нее с насмешкою, жалящею сердце змеиными укусами.

Кто же возьмет ее, такую некрасивую и совсем неинтересную, застенчивую, неловкую, теряющуюся всегда при мужчинах?

Уже давно зеркало приводило ее в отчаяние, – противное правдивое стекло, отражающее беспощадно только то, что есть, – лицо, не только некрасивое, но и лишенное всякого очарования. Некрасивость лица не скрашивалась даже несколькими отдельными приятными и милыми чертами. Глаза, живо отражающие всякое движение, глубокие и умные, – умильные ямочки на щеках и на подбородке, – густые волны черных, как осенняя ночь, волос, – все эти разрозненные прекрасности печально дисгармонировали с общим серым тоном лица и всей неграциозной фигуры.

Кто же ее возьмет? Кто назовет ее женою?

С беспощадною откровенностью циника, каким сделала его профессия, доктор бросил ей беспощадные слова.

Клавдия Андреевна сконфуженно лепетала:

– Но, доктор, как же это? Разве это от меня зависит? У меня нет жениха.

Доктор пожал плечами.

– С природою не заспоришь, – равнодушно сказал он, – никакое лекарство вам не поможет.

II

В том состоянии растерянности и стыда, когда дрожат и подкашиваются ноги, и не знаешь, что делать, Клавдия Андреевна шла по улицам. Знакомые перекрестки и переходы привели ее в квартиру в четвертом этаже, со двора. Там жила ее подруга, Наталья Ильинична Опричина, девица волоокая, полногрудая, энергичная, славный человек и отличный товарищ.

Клавдия Андреевна все ей рассказала. Если бы прошло хоть сколько-нибудь времени, хоть один только день, тогда, может быть, стало бы стыдно даже и подруге сказать об этом. Но теперь вышло как-то само собою. Тем более, что Опричина сразу, по несчастному, опрокинутому лицу Клавдии Андреевны поняла, что случилось неожиданное что-то и очень неприятное, – и стала расспрашивать. Клавдия Андреевна села, улыбнулась растерянно и стыдливо, и принялась рассказывать, подробно и добросовестно, как твердо заученный урок.

Рассказала и заплакала. Опричина ходила по комнате шагами грузными, от которых легонько позвякивали на столе стеклышки подсвечников, – и думала.

– По-моему, – сказала она, – плакать тут нечего, а надо действовать. У тебя нет никого на примете?

Клавдия Андреевна жалобным голосом призналась:

– Нет никого. Опричина говорила:

Путь в Дамаск. Фёдор Сологуб, Анастасия Николаевна Чеботаревская sologubfyodor.ru – Они скверные, все эти наши мужчины, и это возмутительно и несправедливо, что за всякую смазливую рожицу ухаживают охотно, будь она глупа, как набитый осел, а на некрасивых никто не хочет смотреть.

Она внезапно остановилась и подошла к Клавдии Андреевне с таким видом, точно вдруг придумала что-то очень удачное и остроумное.

– Знаешь, я тебе могу помочь. У меня как раз есть подходящий... Ну, одним словом, это – один мой очень хороший знакомый. Он любит иметь дело с невинными девушками. Я тебе это устрою.

III

Через несколько дней Клавдия Андреевна сидела в отдельном кабинете дорогого ресторана с изысканно одетым господином лет сорока с чем-то. Разговор плохо вязался. Был сервирован легкий, но дорогой ужин, – были устрицы, шампанское. Клавдия Андреевна была смущена, но храбро старалась скрыть это. Сергей Григорьевич Ташев, ее собеседник, говорил комплименты ее уму, остроумию, образованности.

– Давно уже я не проводил такого приятного вечера. Вы – самая умная из всех женщин, которых я знаю в Петербурге.

Клавдия Андреевна смотрела на его подозрительно черные волосы, на его слишком прямой стан, на неприятный очерк прямо разрезанного рта с коротко подстриженными над ним черными, жесткими усами. Чувствовала она, что все это говорится потому, что невозможно похвалить ее наружность, и все-таки необходимо говорить приятные, сближающие слова.

Иногда вдруг казалось ей все это сном, выдумкою. Она – некрасивая, сутуловатая, в своем вечном черном, убого прикрашенном ради "случая" голубым галстучком, платье, никогда не посещавшая ресторанов, не знавшая, как держать себя, как открыть электричество и управиться с артишоками. И эта странно-чуждая комната с красными раздражающими обоями, с традиционными зеркалами, с пианино в углу и с бархатною гранатовою портьерою, за которою укрывается еще что-то, – что? умывальник? постель? И элегантный господин с крупными, точно миндалины, желто-белыми зубами, с тщательным пробором над помятым лицом, со складками вокруг рта и глаз, и его чрезмерно, на ее взгляд, изысканный костюм, и удивительный темно-гранатовый пластрон на батистовой сорочке.

Что свело их здесь? Почему они с ним, такие чужие, далекие, вчера еще незнакомые, сидят здесь одни, вдвоем, отделенные тяжелыми гранатовыми портьерами от улицы, от города, от всего внешнего, всегдашнего, привычного?

Эта пряно-странная обстановка действовала на Клавдию Андреевну, как кружащее голову наваждение. Белые нарциссы и багряные гвоздики в хрустальной чаше среди стола благоухали в нагретом воздухе. Вино, играющее так приятно, благодарно согревающее и поднимающее, золотое, радостное, в высоких шарообразных рюмках.

Забыла всю нелепицу спутанной связи событий, и зачем сюда пришла, забыла, потеряла память об этом, уронила ее в золотые слезы в рюмках, – и сидела радостная, отвечала, говорила, даже засмеялась на смешной рассказ о знакомом профессоре.

Ташев говорил, заканчивая анекдот;

– Не знаю, как могут интеллигентные люди посещать подобные места. Я, например, могу похвастаться, если уж на то пошло, что ни разу не обладал женщиной без любви.

Клавдия Андреевна вздрогнула, может быть, от слишком холодного вина, в котором плавали кусочки нерастаявшего льда. Ташев продолжал:

– Женщина, в которую мы влюблены, может быть некрасивою, да и что такое красота, как не условное понятие? Но она должна сохранять в себе нежные чары, обаяние вечно-женственного, таинственного и безотчетного. Тонкие, неуловимые нити должны протянуться между нею и мужчиною, прежде чем их соединит то, что мы называем любовью.

Путь в Дамаск. Фёдор Сологуб, Анастасия Николаевна Чеботаревская sologubfyodor.ru

Лицо его, желтовато-бледное, оживилось и окрасилось. Глаза заиграли, и неприятно-крупные зубы чаще сверкали из-под верхней выпяченной, ярко-карминового цвета губы.

IV

Устрицы, холодные и скользкие, на большом круглом блюде. Клавдия Андреевна робко свернула себе на тарелку две штуки, и в замешательстве выжидала, пока ее собеседник тоже вооружится ножом и покажет ей, что делать с этим невиданным ею блюдом.

- С лимоном или так? - спросил он, услужливо протягивая ей хрустальную тарелочку с желтыми кружками и золоченою вилочкою.

Вдруг она почувствовала, что краснеет, от корней волос до плеч, как краснеют, сознавая безвыходность положения. Он, должно быть, понял, взял нож, ловко раскрыл им створку, и быстро опрокинул в рот скользкий комок.

Клавдия Андреевна почувствовала к нему благодарность и даже нечто вроде расположения. Он избавил ее от первых мучительных минут. Но что будет дальше?

Было жутко и любопытно, и все время, как во сне, как в тумане. Потом снова вино, золотистые бокалы, золотые ломтики ананаса на хрустальной тарелке, и снова, тусклые сквозь туман, разговоры о красоте, о женщинах, о любви.

- Что такое красота, - никто из нас не знает, но только стремится познать. И притом ведь не в этом дело.

"Ты сегодня совсем не красива, но особенно как-то мила",

продекламировал Ташев, любивший щегольнуть знанием новых поэтов, иностранной литературы, бывавший на всех первых представлениях и парадных спектаклях. Как только он успевал! Студентам читать лекции, председательствовать на всевозможных ученых и полуученых собраниях, ездить в заграничные командировки, писать книгу.

V

Рядом в большом кабинете шло настоящее веселье. Слышались звуки матчиша, кек-уока, отрывки цыганских и опереточных мотивов. Разбитый истерический голос порою пытался вытянуть на высоких тонах:

"Я поцелуюми покрую...",

но каждый раз срывался на одном и том же месте, и горестно взвизгивал:

- Не могу, не могу!

Кто-то на что-то жаловался уже совсем пьяным голосом, кого-то утешали, кто-то звучно целовался, стараясь заглушить поцелуи взрывами хохота. Шалая, пестрая и пьяная, должно быть, была компания!

Ташев сказал, наливая вино в бокал Клавдии Андреевны:

- Вот как люди веселятся, а мы с вами еще и первой бутылки шампанского не распили. Я пью за женщин интересных, умных, с такими прекрасными глазами, как у моей очаровательной собеседницы.

И неожиданным движением, быстро наклонившись, поцеловал у Клавдии Андреевны руку.

Неожиданность смутила, но не поразила ее. Ведь этого она и ждала, к этому и готовилась, подымаясь еще два часа тому назад с бьющимся сердцем по обитой ковром под бронзою прутьев лестнице первоклассного ресторана. И у нее так редко целовали руку! От этого поцелуя, беглого и неожиданного, трепетно сияющая протянулась нить от него к ней, нить невидимая, но значительная.

Он пододвинулся к ней, так что на узком диванчике уже не было между ними места,

Путь в Дамаск. Фёдор Сологуб, Анастасия Николаевна Чеботаревская sologubfyodor.ru положил свою руку, желтоватую, с темными, резко выделяющимися волосами, на ее небольшую смуглую пясть, и говорил уже интимным тоном, которому старался придать оттенок задушевности:

- Единственный недостаток наших эмансипированных женщин - это то, что они все же, несмотря на свободу мысли, не хотят такой же свободы для тела. По-моему, гармоническое развитие личности должно соединять в себе и то и другое.

Клавдия Андреевна смотрела на смуглое чужое лицо, слушала эти пыльные слова, знакомые по романам, в как-то перестала чувствовать странность своего положения и своей близости к этому, совсем ей чужому, второй раз в жизни виденному ею человеку. Равнодушие, тупое и безразличное, овладело ею.

"Все равно, все равно", - мелькало в ее утомленной отуманенной голове.

Жизнь, такая серая, такая безжалостная, не сегодня завтра все равно придавит. И перед Клавдией Андреевной мелькнула унылая полоса безрадостных годов, молодость, проходящая без увлечения, в докучных заботах о зарплате, в мелких огорчениях и в тщетных попытках полюбить, найти "человека" - друга, муха.

VI

Пьяный гул рядом ей вдруг напомнил, как в прошлом году на масленице она ехала в вагоне третьего класса ночью, вызванная телеграммой в Калугу, где застрелился младший ее брат, студент. На соседней с нею полке рядом в вагоне примостилась пьяная развеселая пара, мастеровой с гармоникой и женщина, может быть, проститутка, его подруга на эту ночь.

Всю эту ужасную ночь Клавдия Андреевна, точно в тяжком чаду, оцепенев, не сомкнула глаз, и всю ночь взвизгивала гармоника, лихо гаркал мастеровой, и орала пьяные песни пьяная проститутка.

Клавдия Андреевна ехала к себе, в семью. Эта семья собиралась только тогда, когда с кем-нибудь из членов ее случалось несчастье - смерть, ссылка, проводы на войну. Теперь готовились хоронить младшего брата. Так, в эти печальные мгновения жизни собирались они все, некрасивые, неудачники, каждый со своей отравой в душе, молча толпились возле гроба или возле поезда, не знали и не умели сказать ничего утешительного друг другу. Толпою химер, серых и унылых, стояли они, обмениваясь тусклыми взглядами и серыми словами.

В эту истомную ночь она позабыла обо всем этом, и в тупом оцепенении слушала пьяный визг, брань, поцелуи, визгливую гармонику. Не все ли равно, казалось и тогда, - не сегодня завтра жизнь придушит, не все ли равно?

Повернулась на жесткой скамейке и вдруг закашлялась от чада махорки. За невысокою стенкою хрипло смеялась проститутка.

- Дохает кто-то, барышня, кажись, - раздался ее противно-простуженный голос.

Тощий парень с зеленым лицом и колючим взором серых глаз высунулся на минуту из-за перегородки. Уколел взором Клавдию Андреевну, в вдруг лицо его стало презрительно скучным. Отвернулся.

Из-за перегородки слышался его пьяный, наглый голос:

- Морда отпетая, дохает туда же, ни как красавица.

- Мордолизация! - хрипло взвизгнула проститутка.

Острое жало обиды прокололо насквозь бедное сердце тоскующей девушки.

VII

Вспоминала теперь эту ночь, и эту обиду, и опять стыдную болью заняло сердце. Такою болью, что словно разлилась боль по всему телу, по всему вдруг покрасневшему телу, и вдруг ударила по нерву болевшего на днях зуба, который собиралась, да так и не успела запломбировать.

Путь в Дамаск. Фёдор Сологуб, Анастасия Николаевна Чеботаревская sologubfyodor.ru
Ташев участливо глянул на ее вдруг искажившееся болью лицо.

- Что с вами? – спросил он, нагибаясь к ней и обдавая ее легким ароматом вина.
- зуб разболелся, – сказала она.

И брызнули жалкие, мелкие слезы. Невольно. Лепетала:

- Ничего. Это сейчас пройдет.

Что-то говорил Ташев, – едва слышала сквозь багровый туман, кружащий голову, едва понимала, что слышала.

- Возьмите воды, пополощите зубы.

Едва сознавала, что, повинувшись ему, идет куда-то, и он поддерживает ее ласково и бережно под локоть левой руки. Перед самыми глазами заколебались багрово-тяжелые складки портьеры.

- Здесь есть вода. Позвольте, я вам помогу.

Откинул тяжелые складки. Повернул выключатель, – и вдруг неярким светом электрической лампочки в потолке озарился тесный альков, – серый мрамор умывальника с медными, красивыми кранами, и громоздкая, нагло громадная кровать.

Так стыдно было стоять около этой кровати. Налил ей воды. Взяла ее в рот, на больной зуб. Боль утихла. Клавдия Андреевна лепетала несвязно:

- Благодарю вас. Мне легче. Прошло. Повернулась, – уйти из алькова. Навстречу ей – улыбка в блестящие, неприятно крупные зубы.

- Подождите, успокойтесь, не торопитесь, – говорил Ташев. Слегка задыхался, и глаза его блеснули лукавыми и страстными огоньками. Клавдия Андреевна почувствовала на своей талии прикосновение его жаркой руки. Он шептал:

- Вы устали. Прилягте. Отдохните. Это вас лучше всего успокоит.

Совсем близко наклонился к ней. Ласковыми, но настойчивыми движениями подвигал ее к мягким успокоениям слишком нарядной кровати.

Стыдливый ужас вдруг охватил ее. Диким порывом оттолкнула Ташева и бросилась из алькова, вся красная, вся трепетная.

Схватила за шляпку. Ташев растерянно повторял:

- Клавдия Андреевна, да что же это? Да что с вами? Да вы успокойтесь. Я же, право, не понимаю. Кажется, я...

Дрожащими руками, не попадая куда надо, Клавдия Андреевна пыталась приколоть шляпку. Шпилька выпала из ее дрожащих рук, в на паркет звякнула и заблестела ее крупная, стеклянно-синяя головка.

Ташев, бормоча что-то и, видимо, сердясь, подходил к Клавдии Андреевне. Она испуганно взвизгнула, схватила свою легкую накидку и бросилась вон из кабинета. Слышала за собою обрывки восклицаний Ташева:

- Я не понимаю! Это Бог знает что! Зачем же! Ресторанные лакеи с удивлением смотрели на стремительно бегущую мимо них барышню.

VIII

Клавдия Андреевна быстро шла, почти бежала, по шумным городским улицам. Привычную дорожку добежала до того дома, где живет Опричина, и уже поднялась до половины лестницы, и вдруг так же стремительно повернула обратно, и опять очутилась на улице.

То шла, то останавливалась. Поправила свалившуюся шляпку, заколов ее единственную оставшуюся шпилькою. Села в первый попавшийся трамвай и сидела там,

Путь в Дамаск. Фёдор Сологуб, Анастасия Николаевна Чеботаревская sologubfyodor.ru тупо, без мыслей, красная, несчастная на вид, пока все не стали выходить и кто-то в темноте не сказал скучным, злым голосом:

- Приехали. Дальше не пойдет.

Вышла. Осмотрелась.

Городская окраина. Маленькие серые домишки. Сбитые плиты узкого тротуара. Чахлая, но весело зеленеющая и сквозь вечернюю мглу травка меж камней в мостовой.

Пошла наудачу. Шла усталая, тихая, безмолвная. Ночь была кругом, и тишина, и полутемно, и печаль на земле, и пустынная синева над землей.

Казалось, что плачет кто-то, забытый и ненужный. Влажный вешний воздух был тих и печален. Пахло водою. Свирельный в ночной тишине доносился откуда-то не издалека стон.

Вдруг Клавдия Андреевна различила, что это - звуки скрипки. Играл кто-то, точно плакала скрипка над милым, успокоенным прахом. Клавдия Андреевна пошла по тому направлению, откуда к ней доносились эти звуки.

Вот, - бедный, тихий дом, весь темный. Калитка. Со двора доносился тонкий плач тоскующей скрипки.

Клавдия Андреевна вошла во двор. Слабый свет виднелся сквозь занавеску окна в глубине двора. По шатким доскам узких мостков Клавдия Андреевна подошла к окну. Стояла и слушала долго у открытого окна.

На высокой, долгой, стнящей ноте замерли свирельные вопли. Слышно было, как с тихим стуком легла скрипка на стоя, и слышны были быстрые, неровные шаги взад и вперед.

Что это было, легкий ли ветер отдернул край занавески, сама ли Клавдия Андреевна слегка отвела ее кончиками вздрагивающих пальцев, - но она увидела музыканта.

Это был молодой человек в студенческой тужурке, с нервным, бледным, измученным лицом, с густыми, вьющимися круто и упрямо волосами, торчащими спутанной копной над крутизной упрямо выпуклого лба, с порывистыми движениями и с угловатым, резким жестом сухих рук, быстро ерошащих волосы. Студент ходил, метался по комнате, - и в движениях его была тоска, и в лице его дрожало томление, тягостное до смерти.

Бездонно-черный взор его глаз остановился на минуту на лице Клавдии Андреевны, - но было ясно, что студент не увидел ее, ночной, случайной, неведомо как сюда пришедшей девушки. И в бездонно-черном взоре его глаз таилось томление, безумное, последнее томление человека.

IX

Во всей обстановке бедной комнаты, заурядного логовища для одинокого от хозяев, было что-то неуловимо-значительное. Какой-то внезапный, странный, тоскливый беспорядок места, где есть умирающие.

На столе, среди книг и всякого обычного скарба, между коробкою папирос и недопитым стаканом чая, лежала слишком прямо положенная и, видимо, только что написанная записка. Ящик в столе был слегка выдвинут, и это почему-то особенно бросалось в глаза, словно в этом было что-то значительное.

А может быть, так показалось Клавдии Андреевне потому, что едва она увидела этот слегка выдвинутый ящик, как уже студент подошел к нему и, неловко сутулясь, стал шарить в нем.

Клавдия Андреевна с жадным любопытством ждала, что он вынет из ящика. Настойчиво, как злое внушение, вместе с тяжелым стучанием крови в ее висках, повторялось одно, улично-обычное слово:

- Револьвер, револьвер.

Путь в Дамаск. Фёдор Сологуб, Анастасия Николаевна Чеботаревская sologubfyodor.ru

О, оправдалось злое внушение, злое предчувствие. Студент отошел от стола, и в его руке Клавдия Андреевна увидела стальной блеск маленького, изящного, как детская игрушка, оружия.

Резким жестом свободной руки студент взъерошил свои упрямые кудри, и поднял револьвер к виску.

Глаза у него расширились. Рука странно колебалась в воздухе, устанавливая дуло револьвера на удобное положение.

Потом опустил руку, глянул в дуло револьвера, еще раз размашисто взъерошил волосы, крикнул отрывисто и громко:

- Баста!

И решительным движением взмахнул револьвером к голове.

Внезапный женский вопль заставил его дрогнуть. Всмотрелся.

Х

Порывистым движением обеих рук раздернув занавеску, Клавдия Андреевна отчаянно крикнула:

- Милый, милый! Зачем? Не надо!

Студент увидел, что незнакомая, некрасивая девушка лезет к нему в окно, неловко цепляясь руками за раму, задевая за что-то платьем, - неловкая, с кое-как сидящую на растрепанных волосах шляпкою, с лицом красным, взволнованным, несчастным, облитым слезами, искаженным рыдающими гримасами.

Лезет, такая смешная, забавная, заплаканная, и повторяет слезливо и жалобно:

- Миленький, не надо, не надо!

Студент сунул револьвер в ящик стола, бросился к окну и, бормоча что-то несвязное, помог нежданной гостье перелезть подоконник.

Полная возбуждениями последних дней, она бросилась к нему, обняла его и, плача, повторяла без конца:

- Милый, хороший, не надо, - живи, люби меня, живи, я тоже несчастная.

- Извините, - сказал студент, - вы успокойтесь. Может быть, чаю?

Клавдия Андреевна засмеялась, все еще плача. Говорила:

- Не надо, не надо, ничего не надо. И этой игрушки не надо. Вот, если вы дошли до того, что уже нечем жить, - душевно нечем, - то вот, и я тоже, и если мы захотим, разве нельзя, разве так уж совсем нельзя сотворить жизнь по нашей воле, и жизнь, и любовь, и смерть? Вот послушайте.

Рассказывала ему о себе долго, сбивчиво, подробно, откровенно по-детски. Все рассказала. И опять вернулась к обидам, жгущим сердце уколами тысячи пчелиных жал. Смеясь и плача говорила:

- Он говорит, - морда, дохнет туда же, - это, что я закашлялась от его махорки. А она говорит, - мордолизация. И оба смеются. Морда! Ну и пусть, и пусть!

Студент взъерошил свои лохмы, резким, привычным жестом вскинув руки как-то слишком вверх, и сказал утешающим голосом:

- Ну, это наплевать. Я тоже морда порядочная. И вдруг засмеялись оба. И не было уже смертного томления в его глазах и в ее душе. Он подошел к ней близко, и обнял ее порывисто, и поцеловал звучно, весело и молодо в ее радостно дрогнувшие губы. Сказал:

Путь в Дамаск. Фёдор Сологуб, Анастасия Николаевна Чеботаревская sologubfyodor.ru
- Эту ерунду к черту!

И сердито захлопнул ящик стола.

И она целовала его и повторяла:

- Милый, милый мой! Люби меня, люби меня, целуй меня, - будем жить вместе, и умрем вместе.

"Легче вдвоем. Если не сможем идти, Вместе умрем на пути, Вместе умрем".

Так, убежав от буйного неистовства неправой жизни, пришли они к вожделенному Дамаску, в союз любви, сильной, как смерть, и смерти, сладостной, как любовь.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!